

Смерть им к лицу

«Тщеславие аллегории» в берлинском Гуггенхайме

Выставка современное искусство

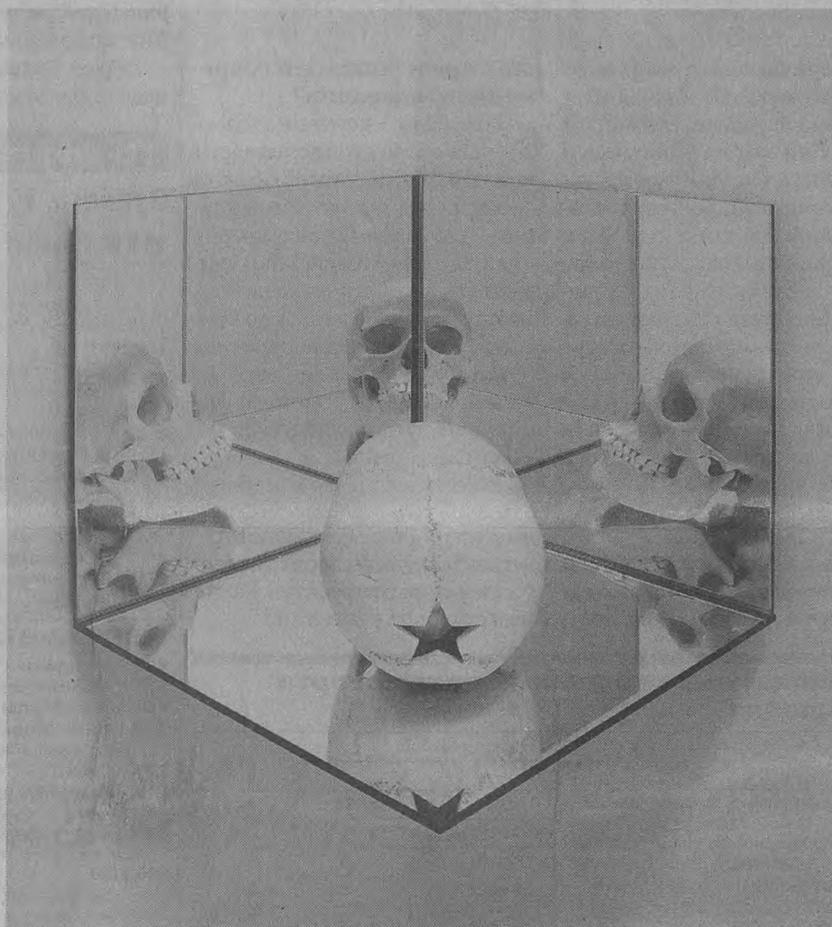
В Deutsche Guggenheim в Берлине открылась выставка шотландского художника Дугласа Гордона «The Vanity of Allegory» («Тщеславие аллегории»). Его собственных вещей на ней мало — сакраментальная тема *memento mori* проиллюстрирована в основном произведениями «старших товарищей», звезд XX века — от Марселя Дюшана до Энди Уорхола и Джефа Кунса — и классикой мирового кинематографа. Искусством сделать свою выставку из чужих работ восхищалась

МИЛЕНА ОРЛОВА.

К своим 38 годам Дуглас Гордон ухитрился собрать урожай из всех главных призов, предназначенных для молодых художников (у него и престижнейший британский Turner Prize, и Hugo Boss Prize, вручаемый раз в два года под эгидой фонда Гуггенхайма), и устроить пару своих персоналок, причем не где-нибудь, а в главных на сегодняшний день оплотах современного прогрессивного творчества — в том же Гуггенхайме в Нью-Йорке и британской Tate Modern. Любовь к нему кураторов понятна. Ведь фактически шотландский художник берет на себя их работу, компилируя свои авторские проекты из материалов по новейшей истории искусства и даже шире — истории культуры. И даже еще шире — он залезает в совсем уж старое искусство, музейный заповедник, в который художники его поколения и круга заглядывают редко.

Так произошло и в этот раз. Название да и содержание выставки представляют собой игру слов и игру смыслов — *Vanity* одновременно значит «тщеславие», «суетность» и созвучно искусствоведческому термину *vanitas*, который в переложении на язык школьных сочинений мог бы звучать как «тема смерти в классическом западноевропейском искусстве». Фокус в том, что бренность сущего старые художники, в отличие от современных, редко изображали в лоб (в виде, скажем, трупов), а все больше аллегорически, зашифровывая ее в натюрморты и пейзажах. Впрочем, черепами не брезговали. Не побрезговали ими и Дуглас Гордон — зря, что ли, до того как стать модным художником, он штудировал в университете готические романы?

Ключом к выставке служит игрушка, продающаяся в сувенирном отделе музея. Это черный бумажный гробик. Когда открываешь крышку, оттуда выскакивает скелет на пружине, в

Своими объектами Дуглас Гордон доказывает, что старая традиция аллегорий не умерла и в XXI веке

залихватски набекрень нахлобученном на череп блондинистом паричке. Так, одновременно дидактически и хулигански, Дуглас Гордон и гнет свою мораль — желание славы, красоты, вечной молодости, просто желание быть другим неотделимо от страха смерти. Мораль проиллюстрирована работами радикальных творцов XX века, которых вообще трудно заподозрить в склонности к аллегориям, но в тщеславии им явно не откажешь.

Тема черепа-парика начинается с фотопортретов дадаиста Марселя Дюшана в женском парике и с тонзурой, выбритой в виде пятиконечной звезды, сделанных Маном Рэем. Далее следуют полароидные снимки поп-артиста Энди Уорхола в почти карикатурных париках и гриме нью-йоркских Drug Queens, тут же подверстывается фотофетишист Роберт Мэпплторп (естественно, «Автопортрет с черепом»). Тема достигает кульминации в помпезном бюсте Людовика XIV в образе Аполлона (вот уж где парик так парик) работы симуляцио-

ниста Джефа Кунса. Затем наступает комическая, даже пародийная развязка — произведение самого Дугласа Гордона, за которое он явно заслуживает звания компаративиста, мастера сравнительного художественного анализа. В «Автопортрете в виде Курта Кобейна, Энди Уорхола, Майры Хиндли (легендарная британская детубийца — „Б“) и Мэрилин Монро» небритая физиономия художника урюмо выглядывает из-под пресловутого белокурого парика. И тут уж не разберешь, чье именно: поп-образы одновременно и множатся, как в зеркальной анфиладе, и сливаются в одной хмурой личности.

Зеркала — еще один важный мотив выставки. Выставочный зал поделен зеркальной стеной (которая по замыслу автора должна намекать на тщеславный Версаль). В ней эффектно отражаются стеклянные кубы с водой Дэмиена Хирста, металлический шар и неоновая надпись «Exit», которая написана задом наперед и читается только в зеркальном отражении. В этом двойственном окружении сим-

волы и аллегории чудятся даже там, где их по определению быть не должно. Так, текст на стене мэтра концептуализма Лоренса Винера кажется классической эпитафией: «Земля к земле, пепел к пеплу, пыль к пыли». Зеркала здесь, понятно, не просто дизайнерский прием, а опять-таки традиционный символ потустороннего мира. И Дуглас Гордон позволил зрителям в него проникнуть — через дверцу в зеркальной стене.

За ней обнаруживается небольшой кинотеатр, где нон-стоп крутят подобранные художником к выставке фильмы. Тут и «Портрет Дориана Грея», и «Гибель богов», и «Апокалипсис сегодня», и советский «Андрей Рублев», и даже диснеевская «Белоснежка и семь гномов» — всего более двух десятков знаменитейших лент. Возможно, этот внушительный киноаппендикс кому-то покажется излишним: выставка и так отягощена многочисленными культурными ссылками, параллелями, переключками. Но в этом случае придирки, уместные в случае академической музейной экспозиции (почему нет того, а есть это?), бессмысленны. У ее автора заранее заготовлено алиби: ведь он не академический исследователь, а всего лишь художник, щедро предлагающий зрителю припасть к источникам своего вдохновения.

По правде говоря, больше всего вызывает зависть смелость музея, доверившегося художнику и исполнившего все его творческие прихоти: список коллекционеров, предоставивших работы, занимает целую страницу в каталоге. Трудно даже вообразить, что такой сюжет был бы возможен у нас в России. Что пришел бы наш художник Владислав Мамышев-Монро (а он фактически делает то же самое, что и Дуглас Гордон, может, еще и похлеще), допустим, в Третьяковку и сказал: хочу выставку про источники моего вдохновения. А ему бы немедленно вынесли и «Ивана-царевича на сером волке», и «Трех богатырей», и «Арест пропагандиста», и бог знает что еще. И никто бы даже не заикнулся: какого лешего этот кривляка-авангардист полез в наш музейный огород? В лучшем случае ему бы сказали: тема серьезная, это вам не бумажные гробики клеить, надо лет пять покумекать, обсудить на ученых советах, созвать парочку научных конференций, а там поглядим. В худшем — посмотрели бы как на сумасшедшего да и отправили куда подальше, в тот же Гуггенхайм.